

Раскольники и острожники

Опубликовано:

Христианское чтение. 1872. № 12. С. 692-740.

РАСКОЛЬНИКИ И ОСТРОЖНИКИ.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

Соч. Фед. Вас. Ливанова, т. 3, изд. втор. СПб. 1872 г.

Библиографическія замѣтки Н. Н.

--

Авторъ книги, заглавіе которой мы выписали, принадлежитъ къ числу особаго рода писателей о расколѣ. Когда, по выходѣ въ свѣтъ *перваго* тома «Раскольниковъ и осторожниковъ», критика замѣтила въ немъ и поставила на видъ нѣкоторые недостатки, -- «всякое бо дѣло, скажемъ словами одной древней книги, такоу рукъ, якоже и ума человѣческаго, не абіе совершенно обыче бывати, но по малу въ совершенство приводится», а тѣмъ болѣе -- дѣло изученія *темнаго* раскола, -- г. Ливановъ, вмѣсто того, чтобъ принять совѣты критики къ свѣдѣнію и исполненію -- при слѣдующихъ издавіяхъ, обзвалъ -- въ предисловіи къ *второму* тому «Раскольниковъ и осторожниковъ» -- всѣхъ своихъ рецензентовъ, позволившихъ себѣ смѣлость неблагопріятно отзываться о трудахъ его, «продажными писаками литературными, литературными неучами, тараканами, крикунами, марателями, лаятелями на луну (хорошо, что г. Ливановъ не считаетъ себя солнцемъ), способными за новую пару сапогъ, пода-

ренныхъ раскольниками, и за кислую солянку въ трактирѣ—писать противъ лица, служащаго одной чистой правдѣ», т. е. противъ Фед. Вас., причемъ указалъ и самыя имена ихъ, и здѣсь же откровенно заявилъ всему читающему міру, что «ученые, по сектантскимъ дѣламъ, труды» его вносятъ «новый свѣтъ» въ науку о расколѣ и въ общество, что они «по своимъ источникамъ и разработкѣ оныхъ послужатъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій» тѣхъ сектъ, о которыхъ пишетъ г. Ливановъ, что «книги» его «проживутъ столѣтія», подобно «официальному VIII тому о раскольникахъ» г. Варадинова, и что наконецъ «жалкіе рецензенты никогда не смогутъ критиковать» ученыхъ трудовъ Фед. Вас. «съ умомъ, честію и знаніемъ». Затѣмъ, въ предисловіи къ *третьему* тому «Раскольниковъ и острожниковъ», о которомъ мы и намѣрены поговорить, г. Ливановъ снова напоминаетъ читателю о «стойкости и полезности» своихъ изданій, относительно которыхъ со стороны критики возможенъ будтобы только одинъ приемъ—благотворѣйное молчаніе. Въ виду такого отношенія г. Ливанова къ своимъ рецензентамъ и своимъ «ученымъ» трудамъ, разумѣется, нужно имѣть много гражданскаго мужества, чтобы осмѣлиться писать критическія замѣтки объ изданіяхъ автора «Раскольниковъ и острожниковъ» — не съ цѣлію хвалить ихъ,—эту пріятную обязанность взялъ на себя самъ г. Ливановъ и исполняетъ ее съ замѣчательнымъ усердіемъ,—а съ цѣлію указать ихъ недостатки. И однакоже, по причинамъ, которыя укажемъ въ концѣ своихъ замѣтокъ, мы рѣшаемся на такую смѣлость.

Главный интересъ третьяго тома «Раскольниковъ и

«острожниковъ» заключается въ исторіи, такъ называемаго, преображенскаго кладбища—въ Москвѣ, бывшаго до послѣдняго времени главнымъ гнѣздомъ едосѣвскаго раскола, — помѣщенной въ этомъ томѣ. Исторія эта занимаетъ почти половину всей книги (277 стр.) и, по словамъ г. Ливанова, составлена имъ на основаніи «достоверныхъ, документальныхъ, неопровержимыхъ источниковъ», а потому и представляетъ собою «первую полную исторію знаменитаго въ лѣтописяхъ раскола преображенскаго кладбища со всѣми его тайными и явными дѣлами,—достоверный матеріалъ для *будущаго* историка русскаго раскола вообще» (предисл., стр. 2, 276 и 417). Такъ говоритъ о своемъ трудѣ г. Ливановъ, но не то оказывается на самомъ дѣлѣ. Большая часть свѣдѣній о преображенскомъ кладбищѣ, «*въ первый разъ* представляемыхъ вниманію читателя» г. Ливановымъ, давно уже извѣстна всякому, мало-мальски знакомому съ исторіей раскола, и «документальные» источники, изъ которыхъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» заимствовалъ свои «правдивыя» сказанія о преображенскомъ кладбищѣ, суть не что иное, какъ печатныя книги, изъ которыхъ Фед. Вас. буквально перепечатывалъ въ свои «ученыя» изданія цѣлыя страницы и даже листы, — такъ, что, за исключеніемъ *десяти* послѣднихъ главъ, все остальное въ «документальной» исторіи преображенскаго кладбища г. Ливанова составляетъ почти дословную перепечатку чужихъ трудовъ. Главнымъ «документальнымъ» источникомъ, изъ котораго г. Ливановъ немилосердно черпалъ свои «правдивыя» свѣдѣнія о преображенскомъ кладбищѣ, служила для него, давно извѣстная специалистамъ— въ

рукописи и дажно (въ 1860 г.) уже напечатанная въ первомъ выпускѣ «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ», изданнаго въ Лондонѣ недавно умершимъ г. Кельсіевымъ, а потомъ перепечатанная съ небольшими перемѣнами въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1862 г. (кн. 2), исторія этого кладбища — неизвѣстнаго автора (Кельс. вып. I, XXXI), или, если вѣрить г. Ливанову (стр. 417), принадлежащая покойному Н. И. Надеждину, автору книги о «скопческой ереси». Затѣмъ подспорьемъ въ этомъ дѣлѣ служили г. Ливанову изданія: преосв. Макарія, гг. Н. Попова, Нидьскаго, Варадинова, Вишнякова, К. Надеждина, Н. Барсова и нѣкоторыхъ другихъ. Перепечатки изъ этихъ послѣднихъ изданій, сдѣланныя г. Ливановымъ, менѣе значительны; но все же и онѣ иногда простираются до цѣлыхъ листовъ.

Такъ какъ обвиненіе въ присвоеніи чужихъ трудовъ, взводимое нами на г. Ливанова, какъ всякій понимаетъ, — вещь слишкомъ серьезная, то мы считаемъ долгомъ войти по этому предмету въ нѣкоторыя подробности и показать, хотя отчасти, чтó откуда взято и перепечатано авторомъ «Раскольниковъ и острожниковъ» въ его «документальной, въ первый разъ предлагаемой вниманію читателя» исторіи преображенскаго кладбища.

Въ I главѣ исторіи преображенскаго кладбища читатель найдетъ цѣлыя страницы (7 — 10), буквально перепечатанныя изъ «Матеріаловъ для исторіи безпоповщинскихъ согласій въ Москвѣ» — г. Попова (пред. I) и изъ перваго тома «Сборника для исторіи старообрядства» — его же (стр. 75—82). II глава, за исключеніемъ 17 и отчасти 15, 18 и 24 страницъ, букваль-

но взята изъ перваго выпуска «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» - г. Кельсіева (стр. 4—14). Глава III, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ, перепечатана изъ «Исторіи русскаго раскола» пр. Макарія (стр. 241—2, 265—270) и изъ «Полнаго историческаго извѣстія о раскольникахъ» — Іоаннова (стр. 127, по изд. 1799 г.). IV глава, за исключеніемъ 30 съ небольшимъ словъ, дословно перепечатана изъ статьи г. Нильскаго, помѣщенной въ Христіанскомъ Чтеніи за 1863 г. (ч. 2, стр. 14 — 30). V глава, за небольшими исключеніями, содержитъ свѣдѣнія, взятая буквально у Іоаннова (стр. 141 — 3), Кельсіева (вып. I, стр. 15—26) и Понова (Сборн. для истор. стар., т. I, стр. 10—21). Начало VI главы, съ перемѣной двухъ—трехъ словъ, взято буквально у г. Попова (Сборн. т. I, стр. 17—22), затѣмъ рѣчь идетъ по К. Надеждину (Споры безп. преоб. кладб. и покр. час. о бракѣ, стр. 4—5 и 7), далѣе по г. Вишнякову (Старообр. покр. мол. и филип. час. въ Москвѣ, стр. 2—8), и наконецъ — опять по К. Надеждину (стр. 51—2, 40 — 42). VII глава составлена на основаніи книги г. Варадинова (Истор. минист. внутр. дѣл. т. 8, стр. 10—20, 52—55, 37—9), причемъ нѣкоторыя страницы сочиненія г. Варадинова (напр. 30) буквально перепечатаны г. Ливановымъ, а въ концѣ — перепечатана 22 стр. перв. вып. — г. Кельсіева. Большую часть VIII главы занимаетъ напечатанный г. Ливановымъ документъ, по его словамъ, «большой важности и *рѣдкости*», который между тѣмъ давно извѣстенъ въ печати; это — высочайше утвержденные 27 окт. 1800 г. пункты митрополита Платона о единовѣрїи, вмѣстѣ съ пунктами старообрядцевъ, напе-

чатаемые, между прочимъ, въ концѣ книжки, подъ названіемъ: «Отвѣтъ единовѣрца старообрядцу»; другой документъ, помѣщенный г. Ливановымъ въ этой главѣ, — прошеніе Ковылина, поданное имъ императору Александру I, и плачь богаделеннаго дома, объ утвержденіи котораго Ковылинъ просилъ Государя; эти документы напечатаны въ Христ. Чтеніи за 1863 г. (ч. 2, стр. 37 — 46) и въ «Матеріалахъ для исторіи безпоповщинскихъ согласій—въ Москвѣ»—г. Попова (стр. 58 — 67); все остальное въ этой главѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ, взято г. Ливановымъ у Иоаннова (стр. 139 — 140) и у г. Кельсиева (вып. I, стр. 23 — 5, 32, 26). IX глава сшита г. Ливановымъ изъ разныхъ книгъ; сперва онъ обратился къ г. Н. Барсову и взялъ у него кое что (Братья Денисовы, стр. 5, 7, 11, 13—17, 19 — 20). затѣмъ перешелъ къ г. К. Надеждину и у него позаимствовалъ нѣчто (Спор. безпоп., стр. 54—5); далѣе вспомнилъ про г. Вишнякова и не оставилъ безъ вниманія и его труда (Истор. покр. мол. въ М., стр. 26.—8); затѣмъ снова обратился къ г. Надеждину (стр. 55—9), а потомъ опять—къ г. Вишнякову (стр. 36—8). еще разъ—къ г. Надеждину (стр. 59), а въ концѣ концовъ—снова къ г. Барсову (стр. 22 и 24); за исключеніемъ немногихъ строкъ, эта глава составляетъ буквальную перепечатку свѣдѣній, находящихся на указанныхъ страницахъ означенныхъ авторовъ. Въ X главѣ, послѣ первыхъ пяти строкъ г. Ливанова, начинаетъ говорить г. Вишняковъ и говорить долго (Стар. покр. мол. и фил. час., стр. 50—62); далѣе — свѣдѣнія, сообщаемыя г. Ливановымъ въ этой главѣ—о петербургской едосвѣщницѣ и петербургскихъ раскольничьихъ моленныхъ, можно чи-

тать у г. Варадинова (Истор. м. в. д. т. 8, стр. 400—1, 403—7), а — о проискахъ Ковылина объ освобожденіи еедосѣвцевъ отъ зависимости приходскаго духовенства—у г. Кельсіева (вып. I, стр. 27). XI глава, за исключеніемъ двухъ—трехъ десятковъ строгъ, буквально перепечатана изъ издаций—Кельсіева (вып. I, стр. 27 — 8, 30 и 33), Любопытнаго (Сборн. для истор. стар., т. 2, вып. V, стр. 132—3), снова—Кельсіева (стр. 31), г. Андреева (Раскол. и его значеніе въ народн. русск. истор. стр. 193 — 6 и 204) и г. Нильскаго (Сем. жизнь въ русск. раск., вып. I, стр. 349—50); подстрочныя же замѣчанія, помѣщенныя въ этой главѣ, взяты у г. Попова (Сборн. изъ истор. стар., стр. 157—162; Сборн. для истор. стар., т. I, стр. 152—3). XII глава, за исключеніемъ трехъ страницъ, взята г. Ливановымъ у г. Кельсіева (вып. I, стр. 33—5 и 30) и у г. Нильскаго (Хр. Чит. 1863 г., ч. 2, стр. 31—3); примѣчанія, находящіяся въ этой главѣ, взяты у г. Попова (Матер. для истор. безп. согл., стр. 89—94). Основа XIII главы взята г. Ливановымъ у Кельсіева (вып. I, стр. 36—9), а вся глава до слова перепечатана изъ 2 тома «Раскольниковъ и острожниковъ» (стр. 272—287) (1). XIV глава, за немногими исключеніями, представляетъ буквальный, хотя и не безъ пропусковъ, перепечатку изъ книгъ г. Кельсіева (вып. I, стр. 39—43, 50—2), Нильскаго

(1) Такимъ образомъ г. Ливановъ перепечатываетъ въ 3 томѣ не только чужое, какъ впрочемъ онъ дѣлалъ это и въ двухъ первыхъ томахъ (сравни напр. т. I, стр. 74 — 80 съ втор. вып. Кельсіев. стр. 125—9, 130, 132 и др.; —т. II, стр. 103—122—съ Варадинов. Жн. VIII. стр. 247—265 и др.) и о чемъ уже было замѣчено въ Хр. Читен. (1869 года, кн. 2, стр. 429—30), но и свое. Любопытно бы знать, для чего онъ поступаетъ такъ.

(Сем. жизньъ въ русск. раск., вып. I, стр. 357—365) и затѣмъ— снова Кельсіева (стр. 54—5), а въ концѣ— изъ Собранія постановленій по части раскола (изд. 1858 г., стр. 62—5). Въ XV главѣ, за исключеніемъ конца, гдѣ приведено распоряженіе правительства относительно преображенскаго кладбища по Собранію постановленій по части раскола (стр. 68—71), содержится дословная перепечатка 43—9 стр. перваго выпуска Кельсіева. Большая часть XVI главы, гдѣ находятся свѣдѣнія въ родѣ слѣдующихъ: «расколъ въ грекороссійской церкви произошелъ, какъ извѣстно, отъ послѣдовавшаго въ 1666 году исправленія церковныхъ книгъ, принятія трехперетнаго знаменія и четырехъ-конечнаго креста» (коротко и ясно!), принадлежитъ, кажется, г. Ливанову; но три послѣднія страницы этой главы буквально перепечатаны изъ книги г. Кельсіева (вып. 1, стр. 49 — 54). XVII главу, за исключеніемъ первыхъ пяти строкъ, читатель можетъ найти у г. Кельсіева (стр. 56—9). XVIII глава, послѣ первыхъ шести строкъ, содержитъ перепечатку изъ сочиненія г. Нильскаго (Сем. жизни. въ р. раск., вып. I, стр. 372, 374, 383—4, 386, 388, 401 — 6) и затѣмъ изъ перваго выпуска Кельсіева (стр. 60—4); послѣднія двѣ съ небольшимъ страницы этой главы, на которыхъ г. Ливановъ, между прочимъ, распоряженіе правительства (отъ 10 мая 1827 г.) относительно бѣглыхъ раскольничьихъ *поповъ* относитъ къ *безпопощинскимъ* наставникамъ, повидимому, принадлежатъ самому автору «Раскольниковъ и острожниковъ». XIX глава начинается буквальной перепечаткой изъ книги Кельсіева (вып. I, стр. 67—9) и оканчивается приведеніемъ разныхъ, рѣшительно не относящихся

къ дѣлу, распоряженій правительства касательно различныхъ учрежденій раскольниковскихъ и раскола вообще, — распоряженій, буквально перепечатанныхъ изъ Собранія постановленій по части раскола (изд. 1868 г., стр. 119—120, 128—130). XX глава, за исключеніемъ середины, гдѣ г. Ливановъ, неизвѣстно для чего, говоритъ о рогожскомъ раскольниковскомъ кладбищѣ, въ началѣ и концѣ представляетъ буквальную перепечатку изъ Кельсіева (вып. I. стр. 64—6, 69—71). XXI глава взята г. Ливановымъ изъ изданій Кельсіева: начало ея — изъ *второго* выпуска «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» (стр. 111—114), и именно — изъ сочиненія г. Липранди, напечатаннаго въ 1870 году и въ Чтеніяхъ московскаго историческаго общества (кн. 2, стр. 65—140); средину главы занимаетъ показаніе одного Ѳедосѣвца, данное имъ на допросъ въ 1855 г. и напечатанное въ концѣ *перваго* выпуска Кельсіева (стр. 219—221); конецъ составляетъ дословную перепечатку 71—2 стр. того же *перваго* выпуска Кельсіева. Въ послѣднихъ *девяти* главахъ исторіи преображенскаго кладбища — г. Ливанова, гдѣ рисуется судьба кладбища за послѣднія три десятилѣтія, замѣчается больше самостоятельности, вѣроятно, потому, что исторія этого Ѳедосѣвскаго притона, составленная Н. П. Надеждинымъ и напечатанная въ первомъ выпускѣ изданій г. Кельсіева, доведена только до 1844 года. Впрочемъ и тутъ не обошлось дѣло безъ присвоенія авторомъ «Раскольниковъ и острожниковъ» чужой собственности; такъ напр. 231—7 страницы (въ XXVI и XXVII гл.) представляютъ буквальную перепечатку въ некоторыхъ мѣстахъ изъ книги г. Нильскаго (Сем. жизни.

въ р. раск., вып. 2, стр. 89—93, 113, 120—122), XXIX глава—перепечатку XXIII главы *второго* тома «Раскольниковъ и острожниковъ», а на 274—5 страницахъ послѣдней XXX главы встрѣчаются 446—8 страницы *перваго* тома «Раскольниковъ и острожниковъ».

Такимъ образомъ изъ XXX главъ, на которыя разделена г. Ливановымъ, «въ первый разъ представляемая имъ вниманію читателя, документальная исторія преображенскаго кладбища», только *девять* принадлежатъ автору «Раскольниковъ и острожниковъ»; остальные слишкомъ *двадцать* главъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ, представляютъ буквальную перепечатку изъ чужихъ сочиненій.

Но этимъ не ограничиваются присвоенія г. Ливановымъ чужой собственности; въ другихъ статьяхъ *третьяго* тома «Раскольниковъ и острожниковъ» мы также встрѣчаемся съ давно извѣстными въ печати свѣдѣніями, которыя г. Ливановъ выдаетъ за свои. Такъ напр. статья подъ № III, въ которой излагается «происхожденіе и исторія скопчества вообще», буквально, за исключеніемъ *трехъ* словъ въ началѣ и *трехъ*—въ концѣ, взята г. Ливановымъ изъ извѣстнаго всѣмъ, занимающимся изученіемъ русскихъ сектъ и раскола, «изслѣдованія о скопческой ереси» Н. И. Надеждина, которое было напечатано еще въ 1845 году, по приказанію тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго, и затѣмъ перепечатано въ 1862 году г. Кельсиевымъ въ *третьемъ* выпускѣ «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» (стр. 14—27). Статья подъ № V, подъ заглавіемъ: «явленіе скопчества въ Россіи», перепечатана г. Ливановымъ изъ того же сочиненія

(Кельс. вып. III, стр. 27—38), какъ объ этомъ, довольно впрочемъ глухо, заявляетъ въ примѣчаніи и самъ Оед. Вас. Статья подь № VII, изображающая «баснословіе, составляющее сущность скопческой секты», занимаетъ у г. Надеждина, по изданію Кельсіева, стр. 62—75. Статья подь № VIII, заключающая въ себѣ «сто обвинительныхъ статей противъ православія», буквально взята г. Ливановымъ изъ *четвертаго* выпуска Кельсіева (стр. 194—8). Текстъ статьи подь № IX, въ которой, между прочимъ, приведены и скопческія пѣсни, цѣликомъ перепечатанъ изъ того же сочиненія г. Надеждина (Кельсіев. вып. III, стр. 155, 158, 141—8); пѣсни же скопческія взяты изъ «приложеній» къ книгѣ Надеждина (Кельсіев. стр. 29 — 86), съ тою впрочемъ особенностію, что у г. Ливанова—съ цѣлію, вѣроятно, скрыть похищеніе чужой собственности, пѣсни размѣщены не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ помѣщены въ сборникѣ Кельсіева ⁽¹⁾. Содержаніе статьи подь № XIII взято изъ Чтеній московскаго историческаго общества (кн. 3, 1868 г.). Статья подь № XVII, въ которой говорится о «различныхъ видахъ оскотленія мужчинъ и женщинъ», буквально перепечатана г. Ливановымъ изъ книги г. Надеждина (Кельс. III, стр. 124—9). Въ статьѣ подь № XXX вторая глава невольнo напоминаетъ *четвертый* выпускъ изданій г. Кельсіева (стр. 301—2, 295—6, 318, 331). Въ статьѣ подь № XXXII, въ которой рѣшается вопросъ: «что такое раскольникыя фабрики въ Россіи», казалось бы, всего меньше можно было ожи-

(1) Такъ напр., по Кельсіеву, пѣсни: 1-я (у Ливанова 8-я), 2-я (-14-я), 3-я (-17-я), 4-я (-9), 5-я (-35-я) и т. д.

дать «заимствованій», но и тутъ г. Ливановъ ухитрился, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, вставить цѣлыя страницы изъ изданій Кельсіева (вып. IV, стр. 46 и 150). Точно также, въ статьѣ подъ № XXXIX — о томъ, «какъ богатые скопцы сожгли живую свою сестру за то, что она рѣшилась выйти за мужъ», касающейся, повидимому, еще живыхъ лицъ, г. Ливановъ совершенно не кстати начинаетъ перепечатывать рассказъ о скопцахъ г. Надеждина, относящійся къ 1822 и 42 годамъ (Кельсіев. вып. III, стр. 131 — 5). Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ, подъ заглавіемъ: «будетъ ли повѣшенъ скопецъ Михайло Герасимовъ Солодовниковъ на никольской улицѣ» (въ Москвѣ), г. Ливановъ, оставивъ въ сторонѣ портретъ означеннаго скопца, о воображаемомъ помѣщеніи котораго въ гостиннодворскихъ лавкахъ на никольской улицѣ собственно и трактуетъ здѣсь авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ», снова начинаетъ перепечатывать г. Надеждина (Кельс. III, стр. 203, 224—5, 228—9), не смотря на то, что 228—9 страницы *третьяго* выпуска Кельсіева уже были имъ перепечатаны во *второмъ* томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ», и даже дважды (стр. 206—7 и 666). Наконецъ даже послѣдняя статья *третьяго* тома «Раскольниковъ и острожниковъ», подъ № XIII, почти вся представляетъ перепечатку чужаго; въ началѣ помѣщено предисловіе Кельсіева къ изданному имъ «Собранію постановленій по части раскола», а затѣмъ перепечатаны цѣлыя страницы изъ сочиненія г. Субботина (Раск., какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій, стр. 99—100, 104—6 и 108).

Итакъ объемистый третій томъ «Раскольниковъ и

острожниковъ» г. Ливанова, составленный имъ, по его словамъ, по «документальнымъ источникамъ», въ существѣ дѣла больше, чѣмъ на $\frac{2}{3}$, представляетъ буквальную перепечатку чужихъ трудовъ, уже давно извѣстныхъ въ печати. Это не хорошо; но есть у автора «Раскольниковъ и острожниковъ» еще худшія вещи.

Перепечатывая въ своихъ изданіяхъ чужіе труды, г. Ливановъ не только не сознается въ присвоеніи чужой собственности, напротивъ всячески старается скрыть отъ читателя свое хищеніе. Для этого авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» не только не цитуетъ тѣхъ книгъ, изъ которыхъ буквально выписывалъ свои «документальныя» свѣдѣнія, напротивъ указываетъ другіе источники — тѣ, на основаніи которыхъ составлены обкрадываемыя имъ сочиненія; если же иногда и цитуетъ, то такъ неопредѣленно и глухо, что невозможно догадаться, много ли беретъ г. Ливановъ изъ цитуемой имъ книги, — тѣмъ болѣе, что чужія свѣдѣнія онъ почти никогда не обставляетъ общепринятыми знаками. Такъ напр. во всей исторіи преображенскаго кладбища онъ ни разу не сослался на первый выпускъ «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» — Кельсіева, изъ котораго главнымъ образомъ и заимствовалъ свои свѣдѣнія, а только глухо указалъ (стр. 15, 23 и 152) на записку Н. И. Надеждина, поданную имъ въ 1844 году министру внутреннихъ дѣлъ, хотя послѣ (стр. 416—17) самъ же проговорился, что записка эта напечатана Кельсіевымъ; притомъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, находящимся въ самой книгѣ г. Ливанова (стр. 554 и 7), можно думать, что ру-

кописная исторія преображенскаго кладбища г. Надеждина, напечатанная Кельсиевымъ, уже не существуетъ въ министерствѣ въ настоящее время. Точно также ни однимъ словомъ не упомянулъ г. Ливановъ о сочиненіяхъ преосв. Макарія, Н. Барсова, К. Надеждина, Вишнякова и Андреева, хотя, какъ мы видѣли, пользовался ими безъ всякой церемоніи. О сочиненіяхъ гг. Шильскаго, Юаннова, Варадина и Попова авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» упоминаетъ, но далеко не вездѣ, гдѣ перепечатываетъ изъ нихъ (см. стр. 27, 39, 49—51, 61—8, 100—3, 114—15, 142—4, 166—171 и др.), и притомъ упоминаетъ такъ глухо (см. напр. стр. 234), что читатель можетъ подумать, будто г. Ливановъ заимствуетъ изъ нихъ только нѣсколько словъ, тогда какъ онъ перепечатываетъ цѣлыя страницы. Точно также поступаетъ г. Ливановъ и въ другихъ статьяхъ, помѣщенныхъ имъ въ третьемъ томѣ. Такъ напр. всѣ статьи, относящіяся къ скопчеству, взяты имъ изъ сочиненія Н. И. Надеждина, напечатаннаго въ третьемъ выпускѣ «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» — Кельсиева; а между тѣмъ онъ только въ началѣ статьи подъ № V указываетъ на этотъ источникъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ ссылается просто на «записку Н. И. Надеждина м. в. д.» (см. стр. 291, 330, 344 и 429), вслѣдствіе чего малосвѣдущій читатель можетъ думать, что авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» дѣйствительно пишетъ по «документальнымъ» источникамъ (1).

(1) А что г. Ливановъ пользовался запиской о скопцахъ Н. Надеждина не рукописной, а печатной—по изданію Кельсиева, это видно

Но г. Ливановъ не ограничивается тѣмъ, что пользуется чужими трудами, скрывая отъ читателя этотъ грѣхъ свой; вѣроятно, для того, чтобы больше замаскировать предъ читателями свою кражу, онъ бранитъ еще самымъ беспощаднымъ образомъ тѣхъ, чьими изданіями, какъ «документальными» источниками, пользуется. Мы видѣли уже, что бѣльшая часть свѣдѣній, находящихся въ третьемъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ» взята г. Ливановымъ изъ изданій Кельсіева; а между тѣмъ посмотрите, какъ онъ величаетъ этого несчастнаго труженика, нынѣ уже умершаго, которому, не смотря на его ошибочные взгляды на расколъ, наука о расколѣ должна быть очень благодарна за его изданія. Г. Ливановъ называетъ Кельсіева «прихвостнемъ» Искандера, не учемъ (стр. 477 -- 9), недорослемъ по образованію, пигмеемъ, публицистическою мышью (стр. 556), знающею расколъ столько же, сколько смыслить въ апельсинахъ одинъ крыловскій индивидуумъ (стр. 560), изданія же его, и именно тѣ, которыми авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» такъ усердно пользовался, величаетъ «пустыми, въ которыхъ что ни слово, то вранье» (стр. 416—17). Точно также г. Ливановъ пользуется въ третьемъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ» (стр. 197—8). напечатанною у Кельсіева (вып. 2, стр. 91—169), запискою г. Лиранди

изъ того, что у него по явстанъ — тѣже ошибка, какія допущены и Кельсіевымъ и которыхъ, вѣроятно, не было въ подлинникѣ. Такъ на стр. 316 мы читаемъ: „кромя того между древними епископами на Руси встрѣчаются еще *трое* скопцовъ: въ Смоленскѣ—Мануилъ (1138--1147), во Владиміръ-Волынскомъ — Феодоръ (1136 -- 1147), въ Луцкѣ (1326)“; такой же пропускъ третьяго епископа-скопца въ Луцкѣ находится и у Кельсіева (вып. III, стр. 28).

«о существующихъ въ Россіи расколахъ, ересяхъ и сектахъ», надъ которымъ до неприличія глумился еще во второмъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ» (стр. 660—6). Такому отношенію г. Ливанова къ лицамъ, трудами которыхъ онъ пользуется при своихъ изданіяхъ, мы даже затрудняемся дать подходящее названіе.

Но и это не все. Г. Ливановъ не только воруетъ, браня тѣхъ, у кого воруетъ, но еще не умѣетъ хорошо пользоваться краденымъ. Перепечатывая буквально изъ той или другой книги готовыя свѣдѣнія, онъ, неизвѣстно для чего и почему, измѣняетъ ихъ, хотя и рѣдко, и почти всегда — къ худшему. Такъ напр., говоря о покровской часовнѣ въ Москвѣ и буквально перепечатывая свѣдѣнія объ этомъ предметѣ г. Вишнякова, г. Ливановъ замѣчаетъ, что Василій Емельяновъ обратился къ своимъ единовѣрцамъ съ воззваніемъ о постройкѣ моленной «спустя три года послѣ основанія преображенскаго кладбища» (стр. 53); между тѣмъ какъ, по Вишнякову, — спустя «лѣтъ пять-шесть.» Точно также, вопреки г. Вишнякову, утверждающему, что неизвѣстно, сколько времени управлялъ моленной Емельяновъ, г. Ливановъ говоритъ, что Емельяновъ былъ настоятелемъ часовни 30 лѣтъ (стр. 56), хотя отъ 1774 года, — года основанія, по Ливанову, покровской часовни, — до 1795 (или вѣрнѣе—97) года, — года смерти Емельянова, 30 лѣтъ не выходитъ. Еще: приведи буквально по книгѣ г. Варадинова допесеніе сенату исправлявшаго должность пермскаго и тобольскаго генераль-губернатора Кашкина, г. Ливановъ, вмѣсто словъ: «отъ преосвященнаго

тобольскаго» поставилъ: «отъ преосвященныхъ» (стр. 67), и такимъ образомъ документу, касающемуся одной тобольской епархіи, придавъ значеніе циркуляра. Въ рассказъ о дѣйствіяхъ Ковылина въ отношеніи къ покровцамъ по вопросу о бракѣ, слѣдуя дословно К. Надеждину (1), г. Ливановъ, однако же, вмѣсто: «не распечатавъ письма», почему-то написалъ: «распечатавъ письмо» (стр. 93), и тѣмъ совершенно измѣнилъ извѣстный фактъ самодурства Ковылина. Перепечатавая отзывъ о наружности Ковылина, производившей впечатлѣніе на окружавшихъ его,—изъ книги г. Андреева, г. Ливановъ слово: «на окружавшихъ» замѣнилъ словомъ: «на женщинъ» (стр. 112), вслѣдствіе чего вышла недѣльность, никакъ не согласующаяся съ слѣдующимъ затѣмъ отзывомъ о Ковылинѣ Павла Любопытнаго. Г. Ливановъ измѣняетъ и еще кое-что изъ рассказа г. Андреева— не въ пользу смысла и ясности. Такъ, слова г. Андреева: «въ эпоху пугачевского бунта въ Москвѣ уже образовалась ведшая обширныя торговые обороты раскольничья община, безъ насилія пріобрѣтавшая себѣ вліяніе и готовившая средства, чтобы помочь освобожденію закрѣпощеннаго земства не ножемъ и висѣлицею Пугачева, а протестомъ капитала и труда людей, вышедшихъ изъ крѣпостнаго

(1) А что г. Ливановъ беретъ свѣдѣнія объ указанномъ предметѣ изъ книжки г. Надеждина, а не изъ рукописей публичной бібліотеки, которыя вслѣдъ за Надеждинымъ цитуетъ, лучшимъ доказательствомъ этого, кромѣ буквального сходства, служитъ еще то, что г. Ливановъ, вслѣдъ за г. Надеждинымъ, извѣстнаго члена покровской часовни, надъ трупомъ котораго глумился Ковылинъ, называетъ Евстратіемъ *Недостывицемъ* (стр. 39), между тѣмъ какъ въ рукописи онъ называется: Федороичемъ (см. Сем. жизн. въ русск. раск. вып. I, стр. 274).

состоянія», — г. Ливановъ передаетъ слѣдующимъ образомъ: «въ эпоху пугачевского бунта въ Москвѣ уже была ведшая обширные торговые обороты раскольничья община, приобретающая себѣ влияние и готовившая средства помочь (?) не можемъ и висѣльцу Пугачеву, а грудюю капитала и людей, вышедшихъ изъ правительственной зависимости» (стр. 113). Перепечатавая рассказъ г. Нильскаго о соборѣ еедосѣвскомъ, бывшемъ на преображенскомъ кладбищѣ въ 1811 году, г. Ливановъ, вмѣсто словъ г. Нильскаго: «хотя подлиннаго дѣянія этого собора нѣтъ въ имѣющемся у насъ сборникѣ, тѣмъ не менѣе мы можемъ»..., пишетъ слѣдующее: «хотя подлиннаго дѣянія этого собора довольно рѣдки у раскольниковъ, тѣмъ не менѣе»... (стр. 120). Перепечатавая не мало изъ записки г. Липранди, писанной имъ въ 1853 году и напечатанной во второмъ выпускѣ Кельсѣева, г. Ливановъ слово: «выиѣ» замѣняетъ словами: «въ 30-хъ годахъ» (стр. 197), а слова: «безпоповщина считаетъ себя, т. е. во всѣхъ толкахъ, ее составляющихъ, до 5 милліоновъ», — словами: «безпоповцевъ, распложенныхъ преображенскимъ кладбищемъ, считалось тогда во всѣхъ мѣстахъ Россіи до 3 милліоновъ» (стр. 198). Здѣсь же (стр. 199) г. Ливановъ, въ примѣръ того, какихъ убѣжденій держалось преображенское кладбище въ *тридцатыхъ* годахъ, приводитъ, напечатанное въ первомъ выпускѣ Кельсѣева (стр. 219), формальное показаніе одного еедосѣвца, взятое съ него въ тюремномъ замкѣ въ 1855 году.

Впрочемъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» не всегда измѣняетъ чужія рѣчи, выдаваемые имъ за свои; въ видахъ самостоятельности, чаще онъ

только опускаетъ изъ нихъ тѣ или другія слова и выраженія, не обращая вниманія на то, что отъ подобныхъ «опущеній» теряется смыслъ, или по крайней мѣрѣ получается не тотъ, какой хотѣлъ дать извѣстному факту списываемый г. Ливановымъ авторъ. Такъ, говоря словами Н. И. Надеждина о князѣ Урусовѣ, бывшемъ въ 1838—40 годахъ смотрителемъ преображенскаго кладбища, г. Ливановъ замѣчаетъ: «вообще Урусовъ, надобно сказать, былъ выше той должности, которую на него возложили; потому хотя онъ и видѣлъ безпорядки, но не слѣдилъ за ними» (стр. 201), опустивъ слѣдующія затѣмъ слова г. Надеждина: «ибо это было ему не свойственно; онъ не могъ думать, чтобы христіанинъ могъ обречь себя въ вѣчную гибель, купить ее своими пороками и, совращая другихъ, готовилъ бы гибельныя послѣдствія» (Кельсiev. вып. 1, стр. 72),—слова, безъ которыхъ князь Урусовъ представлялся бы *ниже* своей должности. Точно также, перепечатывая разсказъ г. Субботина о сношеніяхъ съ расколомъ Герцена и другихъ русскихъ выходцевъ, г. Ливановъ опускаетъ изъ него нѣсколько словъ, отъ чего выходитъ бессмыслица: «оставивъ Россію, говорятъ Ливановъ словами Субботина, и устроивъ себѣ удобное жительство въ Лондонѣ, г. Герценъ, какъ извѣстно, посвятилъ себя на служеніе великой задачѣ—облагодѣтельствовать оставленную имъ злополучную родину посредствомъ радикальнаго преобразованія ея, что въ Россіи не трудно приготовить удобную почву для осуществленія его фантазіи» (стр. 556); какъ видитъ читатель, тутъ нѣтъ смысла—отъ того, что послѣ слова: «ея», опущены г. Ливановымъ слѣдующія слова:

«политическаго и соціальнаго устройства. Ему мечта-лось, ...» (Раск., какъ орудіе вражд. Росс. парт. стр. 99). Здѣсь же г. Ливановъ изъ словъ г. Субботина выдѣ-лываетъ слѣдующую безсмысленную рѣчь: «надѣясь посредствомъ изданія секретныхъ правительственныхъ записокъ утвердить старообрядчество въ его старой оппозиціи противъ правительства и рассчитывая чрезъ это же самое поставить самихъ себя въ очень выгод-ныя отношенія къ старообрядцамъ, сразу показать себя ихъ другомъ (?), недовольнымъ правитель-ствомъ столько же, какъ и они» (стр. 557); безсмысли-ца произошла отъ пропуска слова: «издатели» и пе-ремѣны слова: «рассчитывали» (Суббот. стр. 100). Но особенно бросается въ глаза слѣдующій про-пускъ, приведшій г. Ливанова къ безсмыслицѣ. Н. И. Надеждинъ, рассматривая скопческую секту съ точ-ки высшихъ государственныхъ соображеній, пи-салъ, между прочимъ, слѣдующее: «невольнo рож-дается теперь вопросъ: такой бредъ (т. е. ученіе скопцовъ о Петрѣ III, котораго они считаютъ жи-вымъ и который будтобы рано или поздно долженъ воцариться на русскомъ престолѣ), при всей его ди-кости, если будетъ оставаться и ходить въ народѣ, не можетъ ли имѣть послѣдствій, положимъ—не су-щественно опасныхъ, но крайней мѣрѣ такихъ, ко-торыхъ отнюдь не желательно видѣть? Известна не-обыкновенная простота и легковѣріе нашего народа: нѣтъ нелѣпости, которая бы не нашла къ нему до-ступа; нѣтъ глупости, въ которой бы нельзя было его убѣдить. Не восходя слишкомъ далеко, не упо-миная напр. о томъ несчастномъ времени, когда тоже самое имя, которое теперь служитъ основою

сумасшествію скопцовъ, было присвоено простымъ казакомъ, и народъ увлекся въ слѣдъ за нимъ мятежными волнами, и нашлись даже священники, которые потому только не исполнили безумнаго приказанія самозванца поминать на ектеніяхъ супругу его, благовѣрную государыню императрицу Устинью Никифоровну, что не имѣли на то указа отъ Синода; укажемъ изъ весьма недавнихъ событій на движеніе, произведенное въ волжскихъ губерніяхъ, слухомъ о дозволеніи помѣщичьимъ крестьянамъ переселяться на Сыръ-Дарью, причемъ примѣшано было имя въ Бозѣ усопшаго цесаревича великаго князя Константина Павловича, яко бы тамъ водарившагося» (Кельс. вып. 3, стр. 229). Перепечатывая это мѣсто изъ книги Надеждина буквально, г. Ливановъ остановился на словѣ: «отъ Синода» (стр. 547), вѣроятно, потому, что недавнее для г. Надеждина движеніе помѣщичьихъ крестьянъ для г. Ливанова стало давно прошедшимъ; а между тѣмъ отъ такого пропуса, или перерыва рѣчи, вышла бессмыслица. Точно также, говоря (стр. 346) словами г. Надеждина (Кельс. вып. 3, стр. 145—6) о молитвенныхъ собраніяхъ скопцовъ, г. Ливановъ перемѣняетъ въ разсказѣ г. Надеждина и опускаетъ изъ него слова и цѣлыя мысли, отъ чего выходитъ не только невѣрная и неполная характеристика богомоленій скопческихъ, но и бессмыслица, или по крайней мѣрѣ необъяснимая для читателя странность. Такъ слова г. Надеждина: «по пропѣтіи *«начальной молитвы»*, содержащей въ себѣ призываніе Св. Духа»..., г. Ливановъ передаетъ такъ: «по пропѣтіи *пѣсень*, содержащихъ»...; слова Надеждина: «молитва эта у хлыстовъ и у первыхъ скопцовъ обращалась къ невиди-

тому Богу, но у нынѣшнихъ скопцовъ она прямо и непосредственно относится къ лже-искупителю», г. Ливановъ сократилъ такъ: «молитва эта обращалась (?) къ невидимому Богу, но у нынѣшнихъ скопцовъ она прямо»... Затѣмъ у г. Ливанова идетъ слѣдующая рѣчь: «само собою разумѣется, что, не смотря на эти пышныя названія, отъ грубыхъ, невѣжественныхъ, иногда вовсе безграмотныхъ пустомель нельзя ожидать въ такихъ случаяхъ особенной затѣйливости, остроумія и краснорѣчія». Читатель рѣшительно не понимаетъ, о какихъ это «пышныхъ названіяхъ» идетъ рѣчь у г. Ливанова, когда выше не говорилось ни о какихъ названіяхъ; недоумѣніе это можетъ разрѣшиться только у того, кто имѣетъ у себя третій выпускъ г. Кельсіева и прочтаетъ въ немъ опущенныя г. Ливановымъ—скопческую пѣсню объ одушевленіи пророка благодатною силою, въ которой (пѣсни) пророки скопческіе величаются «райскими птицами», и слѣдующее за тѣмъ замѣчаніе г. Надеждина о томъ, что скопцы даютъ своимъ пророкамъ и другія мистическія наименованія, какъ-то: «книги животныя, трубы златыя, живогласныя, архангельскія, гусли безпрестанныя» и т. под. Точно также читатель не пойметъ, о какихъ статьяхъ и какого собора говоритъ г. Ливановъ на 142—4 страницахъ своей книги, пока не справится съ сочиненіемъ г. Пильскаго (Сем. жизн. въ р. раск. вып. I, стр. 357—365), изъ котораго буквально, но съ пропусками, взяты авторомъ «Раскольниковъ и острожниковъ» указанныя страницы.

Впрочемъ, перепечатывая въ свои изданія чужіе труды, г. Ливановъ не всегда относился къ нимъ

настолько самостоятельно, чтобы могъ перемѣнять въ нихъ, или опускать изъ нихъ слова и выраженія, и такимъ приемомъ понятныя рѣчи превращать въ бессмысленныя. Нерѣдко авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» рабски слѣдовалъ своимъ «документальнымъ», т. е. печатнымъ, источникамъ и перепечатывалъ изъ нихъ свѣдѣнія съ дословною точностію, хотя отъ этого выходили не меньшіе курьезы. Такъ напр., читая 39 страницу третьяго тома «Раскольниковъ и острожниковъ», невольно чувствуешь, что съ г. Ливановымъ что-то случилось, что онъ начинаетъ говорить какимъ-то, несвойственнымъ ему, вялымъ, растянутымъ, шероховатымъ языкомъ латинской конструкции, и, разумѣется, недоумѣваешь, чтобы это значило. А между тѣмъ ларчикъ открывается просто. Г. Ливановъ взялъ эту страницу изъ сочиненія Иоаннова (стр. 141 — 3), написаннаго еще въ концѣ прошлаго столѣтія, хотя и скрылъ это обстоятельство, и не хотѣлъ даже измѣнить вышедшихъ изъ употребленія словъ и выраженій бывшаго охтенскаго протоіерея; и вышла крайне неподходящая заплата ветхая на сочиненіи, едва увидѣвшемъ свѣтъ. Или еще: перепечатывая, безъ указанія на это, въ XVIII главѣ исторіи преображенскаго кладбища цѣлая страница изъ сочиненія г. Нильскаго — съ дословною точностію, авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ», между прочимъ, говоритъ: «какъ же смотрѣла въ царствованіе Александра I на коммунистическіе (¹) безпоповщинскіе браки власть церковная и гражданская? Церковная *продолжала* смотрѣть на раскольниковъ и

(¹) У г. Нильскаго въ вѣсто „коммунистическіе“ сказано: „безсвященнословныя“ браки.

браки по прежнему, т. е. не только браки безпоповщинскіе, заключавшіеся безъ вѣнчанія, но и поповщинскіе, въ совершеніи которыхъ участвовали попы, только бѣгле, признавала незаконными» (стр. 167). Г. Нильскому, который еще на 331—8 стр. своей книги говорилъ объ этомъ предметѣ, на стр. 401 можно было сказать, что церковная власть продолжала смотрѣть на раскольниковыя браки по прежнему; но въ устахъ г. Ливанова, который до XVIII главы своей «документальной» исторіи преображенскаго кладбища ни слова не сказалъ о взглядѣ на раскольниковыя браки церковной власти, такія выраженія служатъ только уликой его литературнаго воровства и доказательствомъ неспособности автора «Раскольниковъ и острожниковъ» умѣло воспользоваться даже чужими трудами. Да, кажется, г. Ливановъ и не думалъ о подобномъ умѣнии и не ставилъ себѣ подобной задачи. Возьмѣвъ намѣреніе выпустить въ свѣтъ третій томъ «Раскольниковъ и острожниковъ» и—въ частности—«въ первый разъ представить вниманію читателя первую и полную» исторію преображенскаго кладбища, г. Ливановъ, по нашему мнѣнію, не задавался вопросомъ, по силамъ ли ему будетъ такой трудъ, а прямо приступилъ къ дѣлу, — тѣмъ болѣе, что имѣлъ у себя подъ руками первый и третій выпуски «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» — г. Кельсіева (стр. 315 и 416), — главные источники для большинства тѣхъ статей, которыя намѣренъ былъ г. Ливановъ помѣстить въ третьемъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ». Но такъ какъ исторія преображенскаго кладбища Н. И. Надеждина, напечатанная въ первомъ выпу-

скѣ Кельсиева, не особенно велика по объему, а г. Ливановъ любитъ дарить публику большими книгами; то, въ видахъ увеличенія числа листовъ третьяго тома, а слѣдовательно и цѣны за него, Фед. Вас. рѣшился расширить трудъ г. Надеждина вставкою въ него цѣлыхъ страницъ и листовъ изъ сочиненій гг. Нильскаго, Н. Барсова, К. Надеждина, Вишнякова и др. Точно также поступилъ онъ и съ сочиненіемъ Н. И. Надеждина — о скопцахъ; свѣдѣнія, взятая изъ этого сочиненія. г. Ливановъ помѣстилъ не къ ряду, но въ нѣсколькихъ статьяхъ, отдѣленныхъ одна отъ другой разными, не относящимися къ скопчеству, статьями, въ родѣ: «сто обвинительныхъ статей противъ православія», или: «безобразія раскольничьихъ архіереевъ», взятыми изъ другихъ источниковъ. Такимъ приемомъ сразу достигались двѣ цѣли; третій томъ г. Ливанова дѣлался чрезъ то объемистѣе и трудъ его пріобрѣталъ въ глазахъ людей малосвѣдущихъ значеніе труда болѣе или менѣе самостоятельнаго. Хорошъ ли такой приемъ—сшиванія изъ лоскутовъ—для самаго дѣла, т. е. исторіи преображенскаго кладбища и скопчества, это — другой вопросъ; но кто же не знаетъ, что на Руси доселѣ существуетъ обычай продавать товаръ лицомъ, а не по внутреннему его достоинству? Притомъ, вѣдь и лоскуты, которые вставлялъ г. Ливановъ въ сочиненія Н. И. Надеждина, сами по себѣ не дурны; они могли только не совсѣмъ идти къ цѣлому; но вѣдь самъ же г. Ливановъ, уже распродавшій два первые тома своихъ изданій, «вышедшихъ нѣсколькими изданіями и разобранныхъ въ огромномъ количествѣ во всѣ концы Россіи» (см. предисл. къ 3 т.), заявилъ въ концѣ

третьяго тома: «Русь, Русь! какъ ты еще глупа... и кто въ тебѣ не эксплуатируетъ невѣжество народное» (стр. 533); слѣдовательно беспокоиться о судьбѣ «Тришкина кафтана» не было повода.

А что г. Ливановъ, перепечатывая въ своихъ изданіяхъ готовыя свѣдѣнія изъ чужихъ книгъ, дѣйствительно не обращалъ вниманія на то, на сколько они идутъ къ дѣлу, а только заботился объ объемѣ книги, доказательствомъ этого могутъ служить, между прочимъ, слѣдующіе примѣры. Сказавъ въ двухъ первыхъ главахъ не только о вѣшнемъ устройствѣ преображенскаго кладбища, но и о внутреннихъ порядкахъ, заведенныхъ въ немъ Ковылинымъ, г. Ливановъ третью главу начинаетъ слѣдующими словами: «знакома читателя съ дѣйствіями еедосѣвца И. А. Ковылина, по устройству преображенскаго кладбища, считаемъ не лишнимъ *для полноты* нашей монографіи сказать здѣсь нѣсколько словъ и о происхожденіи вообще еедосѣвской секты въ Россіи», и затѣмъ ведетъ рѣчь объ основателѣ этой секты, путешествіи Θεодосія Васильева на Выгъ, переселеніи его изъ Польши въ Россію и проч. и проч., что ни мало не относится къ исторіи преображенскаго кладбища. И пусть бы г. Ливановъ сдѣлалъ такое отступленіе — потому, что имѣлъ намѣреніе и случай сообщить читателю какія либо *новыя* свѣдѣнія о еедосѣвцахъ; нѣтъ, онъ просто перепечатываетъ въ данномъ случаѣ нѣсколько страницъ изъ «Исторіи русскаго раскола» преосв. Макарія, хотя и скрываетъ это обстоятельство, при чемъ, вѣроятно, «для полноты своей монографіи» вноситъ въ свою книгу (стр. 26—8) и то, что сказано преосв. Макаріемъ о безпоповщинѣ вообще (стр.

265, 241 — 2) и что не только не относится къ исторіи преображенскаго кладбища и даже еедосѣвщины вообще, но совершенно искажаетъ эту исторію. Такъ г. Ливановъ утверждаетъ, что было время, когда нѣкоторые изъ еедосѣвцевъ, «сознавая нужду въ евхаристіи, думали замѣнять ее для себя своимъ самоизобрѣтеннымъ причащеніемъ изъ *прѣсныхъ лепешекъ*, и что *«въ началѣ раскола»* еедосѣвцы «сильно заповѣдывали своимъ послѣдователямъ самосожиганіе», чего достовѣрная исторія этой секты не знаетъ... Въ шестой главѣ, желая изобразить «споры въ *еедостѣвской* сектѣ изъ-за брачной тайны», г. Ливановъ ведетъ рѣчь—по книжкѣ г. Попова—объ Иванѣ Алексѣевѣ, Гаврилѣ Артамоновѣ, Васильѣ Емельяновѣ, начавшемъ «въ *своей покровской часовнѣ* всѣхъ благословлять на бракъ», о Гавриилѣ Скочковѣ и проч., и затѣмъ ни съ того, ни съ сего замѣчаетъ: «здѣсь *кстати* скажемъ *два-три* слова вообще о началѣ покровской молебни въ Москвѣ» (стр. 53), и выписываетъ потомъ изъ книжки г. Вишнякова цѣлыя восемь страницъ. Точно такое же отношеніе въ дѣлу имѣютъ и 50 — 62 страницы книжки г. Вишнякова, перепечатанныя г. Ливановымъ въ десятой главѣ исторіи преображенскаго кладбища; объ отношеніяхъ къ филиповцамъ Ковылина, для обрисовки которыхъ Фед. Вас. и «счелъ не лишнимъ сказать здѣсь—по книжкѣ г. Вишнякова—*нѣсколько словъ*» о филиповцахъ (стр. 35), ничего не видно изъ сказаннаго. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что г. Ливановъ иногда самъ понималъ, что перепечатываетъ чужіе труды не къ дѣлу, а только «для полноты» своего сочине-

нія, и потому, поговоривъ о чемъ либо чужими словами, замѣчалъ: «но возвратимся къ»... Такъ поступилъ онъ напр. въ XXVII главѣ исторіи преображенскаго кладбища; перепечатавъ здѣсь безъ всякой нужды свѣдѣнія о моленныхъ едосѣвскихъ въ Петербургѣ, закрытыхъ въ прошлое царствованіе, изъ сочиненія г. Нильскаго (Сем. жизн. въ русск. раск. вып. 2, стр. 113, 120—2), онъ откровенно прибавилъ: «но возвратимся къ преображенскому кладбищу» (стр. 237). Но самымъ рѣзкимъ доказательствомъ того, какъ, при всемъ хищническомъ вниманіи къ чужимъ трудамъ, небрежно относится къ нимъ г. Ливановъ, какъ мало идутъ къ дѣлу перепечатываемыя имъ изъ разныхъ печатныхъ книгъ свѣдѣнія и на сколько, вслѣдствіе этого, могутъ быть цѣнны «ученые» труды автора «Раскольниковъ и острожниковъ», можетъ служить IX глава исторіи преображенскаго кладбища. Попалась подъ руки г. Ливанову книжка г. Барсова, подъ названіемъ: «Братья Андрей и Семень Денисовы». Хотя все, содержащееся въ этой книжкѣ, исключительно относится къ Денисовымъ, бывшимъ вождями *поморскаго* толка и жившимъ въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтій, когда, значить, преображенское кладбище еще не существовало; тѣмъ не менѣе г. Ливановъ рѣшился, во что бы то ни стало, воспользоваться и этимъ чужимъ трудомъ, — такъ ужъ сильно понравились ему умныя рѣчи г. Барсова. И вотъ Петра Великаго, при которомъ главнымъ образомъ и дѣйствовали Денисовы, г. Ливановъ замѣняетъ Александромъ I, Андрея Денисова превращаетъ въ Илью Ковылина и затѣмъ, ничтоже сум-

няя, начинается перепечатывать изъ книжки г. Барсова цѣлыя страницы, не понимая того, что и послѣ такой передѣлки сказанное авторомъ «Братьевъ Денисовыхъ» только къ нимъ и къ ихъ времени и приложимо. Чтобы читатель наглядно могъ убѣдиться въ справедливости сказаннаго нами о продолжкахъ г. Ливанова, мы сравнимъ текстъ его книги съ текстомъ сочиненія г. Барсова; такое сравненіе лучше всякихъ словъ докажетъ, сколько правды въ слѣдующихъ словахъ г. Ливанова: «противъ своего обѣщанія, мы запоздали нѣсколько настоящимъ выпускомъ, но это оттого, что матеріалы наши потребовали въ разработкѣ своей болѣе времени, чѣмъ мы предполагали» (предисл. къ III т.).

Текстъ г. Барсова:

Слѣдствія новаго направленія правительства (т. е. при Петрѣ) обнаружались весьма скоро въ жизни раскола. Съ одной стороны это признаніе за раскольниками права на открытое существованіе было причиною того, что въ теченіе весьма небольшого промежутка времени (приблизительно отъ 1689 до 1714 г.) все, что было раскольническаго въ Россіи, что дотошъ пряталось и тайлось, теперь обозначилось ясно и мало по малу стало выдѣляться изъ общаго строя жизни, обособляться среди шумныхъ событій того времени, незамѣтно группируясь на окраинахъ, въ пустыняхъ и дѣсахъ, куда уже давно сбѣгались гонимые ревнители «древняго благочестія» (стр. 5).

Текстъ г. Ливанова:

Слѣдствія новаго направленія правительства и отношенія его къ расколу, съ воцареніемъ императора Александра I, обнаружались весьма скоро въ жизни раскола; признаніе за раскольниками права на открытое существованіе было причиною того, что въ теченіе весьма небольшого промежутка времени (отъ 1801—1807 г.) все, что было раскольническаго въ Россіи, что дотошъ пряталось и тайлось, теперь обозначилось ясно и мало по малу стало выдѣляться изъ общаго строя жизни, обособляться среди шумныхъ событій того времени, незамѣтно группируясь на окраинахъ, въ пустыняхъ и дѣсахъ, куда уже давно сбѣгались гонимые ревнители «древняго благочестія» (стр. 85).

Избалованные прежнимъ своимъ значеніемъ при патриархѣ Іосифѣ (т. е. справшики книгъ), общимъ почетомъ, какой оказывали тогда въ Москвѣ этому цвѣту тогдашняго блага духовенства, и милостивымъ вниманіемъ самого царя, первые расколоучители продолжали считать себя высшими, призванными блюстителями мнимой чистоты церковнаго ученія и законности церковныхъ порядковъ... Своимъ обществомъ они считали церковь, своимъ дѣломъ они считали дѣло всей церкви, изъ которой имъ нужно было только удалить новолюбца Никона (стр. 7).

Отрекаясь съ ожесточеніемъ отъ руководства церкви, чуждаясь и гражданскаго правительства за его солидарность въ дѣлахъ вѣры съ правительствомъ церковнымъ и за помощь, какую оно оказывало послѣднему въ дѣйствіяхъ противъ раскола, отрываясь отъ общенія съ передовыми образованными классами страны и замыкаясь въ себя, эти массы простолудиновъ въ такомъ ли были состояніи, чтобы не нуждаться ни въ какой опеку и руководство со стороны? (стр. 11).

Расколъ могъ бы почерпнуть себѣ многое изъ древнерусской, дониконовской церковной жизни и письменности. Но невѣжество мѣшало ему воспользоваться этимъ нескуднымъ источникомъ; меж-

Избалованные (кто?) прежнимъ значеніемъ при патриархѣ Іосифѣ, общимъ почетомъ, какой оказывали тогда въ Москвѣ (кому?), и милостивымъ вниманіемъ самого царя, расколоучители продолжали издавна считать себя высшими, призванными блюстителями мнимой чистоты церковнаго ученія и законности церковныхъ порядковъ... Своимъ обществомъ они считали всю русскую церковь; своимъ дѣломъ они считали дѣло всей вселенской церкви... какъ будто ихъ кто просилъ объ этомъ! (стр. 85).

Отрекаясь съ ожесточеніемъ отъ руководства церкви, чуждаясь и гражданскаго правительства за его солидарность въ дѣлахъ вѣры съ правительствомъ церковнымъ и за помощь, какую оно оказывало послѣднему въ дѣйствіяхъ противъ раскола, отрываясь отъ общенія съ передовыми образованными классами страны и замыкаясь въ себя, массы простолудиновъ нуждались въ опеку и эту опеку надъ ними приняли на себя разные Ковызины и т. п. личности (стр. 85).

Расколъ могъ бы почерпнуть себѣ многое изъ древнерусской, дониконовской церковной жизни и письменности. Но невѣжество мѣшало ему воспользоваться этимъ нескуднымъ источникомъ; меж-

ду тѣмъ выступали въ дѣло мотивы другаго свойства—страсть къ вародоучительству новыхъ вождей раскола, руководимыхъ или однимъ желаніемъ — поставить какъ можно больше преградъ между никоніанствомъ и истиннымъ древнимъ благочестіемъ, или дать какъ можно большій просторъ сдерживаемому долготѣ произволу и другимъ худшимъ инстинктамъ чело-вѣческой природы. Все это имѣло своимъ слѣдствіемъ появленіе тѣхъ безобразныхъ ученій, какія стали проповѣдываться въ *Брянскихъ мѣстехъ* и въ *другихъ мѣстахъ* мужиками и бабами (съ которыми знакомятъ насъ св. Димитрій Ростовскій въ „Розыскѣ“ и Игнатій митр. сибирскій въ своемъ третьемъ посланіи,—которыя не смотря на всю свою гнусность и не-лѣпость, находили однако себѣ многочисленныхъ послѣдователей). Расколъ видимо терялъ свою почву: въ такомъ богословствованіи, очевидно, не было и тѣни древняго благочестія, во имя котораго возсталъ расколъ... Доловъ расколъ былъ протестомъ, оппозиціей — не болѣе, онъ имѣлъ, конечно, нѣкоторый смыслъ и значеніе въ общемъ ходѣ жизни церковной; по крайней мѣрѣ —могъ быть оправданъ, извиненъ. Теперь же, становясь внѣ церковнаго общенія, онъ былъ не только преступленіемъ противъ церкви, но и само-

ду тѣмъ выступали въ дѣло мотивы другаго свойства—страсть къ вародоучительству новыхъ вождей раскола, руководимыхъ или однимъ желаніемъ — поставить какъ можно больше преградъ между никоніанствомъ и истиннымъ древнимъ благочестіемъ, или дать какъ можно большій просторъ сдерживаемому долготѣ произволу и другимъ худшимъ инстинктамъ (?) чело-вѣческой природы... *начиная съ набиванія своего кармана на счетъ простоты народной.* Все это имѣло своимъ слѣдствіемъ появленіе тѣхъ безобразныхъ ученій, какія стали проповѣдываться мужиками—неучами *на преображенскомъ напр. кладбищѣ*; расколъ видимо потерялъ свою почву, потому что въ безобразномъ ученіи Ковылина, очевидно, не было и тѣни древняго благочестія, во имя котораго возсталъ расколъ. Доловъ расколъ былъ протестомъ, оппозиціей, — онъ имѣлъ хотя нѣкоторый смыслъ и значеніе въ общемъ ходѣ жизни церковной, по крайней мѣрѣ могъ быть нѣсколько оправданъ, извиненъ... Теперь же, *при краткомъ отношеніи къ нему государя и его правительства*, становясь внѣ церковнаго общенія, онъ сталъ по-мужицки безобразничать и вступилъ на дорогу самоубійства духовнаго (стр. 85—86).

убійствомъ духовнымъ (стр. 13 и 14).

Въ пылу фанатизма, поддерживаемаго недавними преслѣдованіями, раскольникамъ не до того было, чтобы осмысливать свои вѣрованія; да и въ болѣе спокойномъ состояніи, при ихъ невѣжествѣ, имъ трудно было понять, что ихъ религіозное чувство, болѣею частію перенное и глубокое, питается такою незатѣйливою и недостойною пищею... Расколъ рѣшился жить самостоятельно, независимо, на тѣ наличныя силы, какія нашлись у него въ данный моментъ. Расколъ не задумывался надъ своимъ положеніемъ, не выбиралъ; онъ съ перваго раза, какъ только открылась возможность, съ радостію устремился на тотъ путь, какой предъ нимъ открывался. А благодаря тѣмъ отношеніямъ, въ какія сталъ сначала къ расколу Петръ, предъ нимъ открывался довольно широкій путь: расколъ всего меньше способенъ былъ познать истину теперь, когда его поддерживает не только сознаваемое энтузіастическое вѣрованіе, что въ церкви царствуетъ антихристъ, но и безсознательно почувствованное благо жизни свободной — на всей своей волѣ, внѣ всякаго контроля и авторитета. Какъ гоненія возбуждали въ нихъ мистическую экзальтацію, влекли за собою самоожженія и другіе виды самоубій-

Въ пылу фанатизма, поддерживаемаго недавними преслѣдованіями, раскольникамъ не до того было, чтобы осмысливать свои вѣрованія; но и теперь въ болѣе спокойномъ состояніи, при ихъ крайнемъ невѣжествѣ, имъ трудно было понять, что ихъ религіозное чувство, болѣею частію искреннее и глубокое, питается незатѣйливою и недостойною пищею... Расколъ рѣшился жить *при Александрѣ I (а прежде?)* самостоятельно, независимо, на тѣ наличныя силы, какія нашлись у него въ данный моментъ. Онъ не задумывался надъ своимъ положеніемъ, не выбиралъ, но съ перваго раза, какъ только открывалась возможность, съ радостію устремился на тотъ путь, какой предъ нимъ открывали вожаки, въ родѣ Ковылина. Расколъ всего меньше способенъ былъ познать истину теперь, когда его поддерживало не только энтузіастическое вѣрованіе, что въ церкви царствуетъ антихристъ, но и безсознательно почувствованное благо жизни свободной — на всей своей волѣ, внѣ всякаго контроля и авторитета. Какъ гоненія возбуждали въ раскольникахъ мистическую экзальтацію, влекли за собою самоожженія и другіе виды самоубійства, такъ теперь прекращеніе гоненій и ослабленіе правительственнаго надзора, со вступленіемъ

ства: такъ теперь прекраще-
ніе гоненій и ослабленіе
правительственнаго надзора,
со вступленіемъ на престолъ
Петра Великаго, неизбежно
повлекло за собою деморали-
зацію. Удалившись въ лѣ-
са, каждый находилъ здѣсь
удовлетвореніе своимъ лич-
нымъ потребностямъ. Мно-
гіе увлеклись здѣсь мнимымъ
подвижничествомъ, предава-
лись различнымъ суровымъ
подвигамъ, приводили въ
изумленіе свою братію не-
обычайностію своихъ мнимо-
аскетическихъ затѣй. По не-
достатку разумной христіан-
ской цѣли, видъ церковнаго
благословенія и просвѣщеннаго
руководства пастырскаго,
эти подвиги конечно не
имѣли нравственнаго значе-
нія. Эти лжемонахи утрирова-
ли и профанировали примѣръ
древнихъ святыхъ подвижни-
ковъ, которыхъ изучали въ
прологахъ и четьяхъ - ми-
неяхъ: усвоивъ до нѣкоторой
степени ихъ вышность, они
оставались чуждыми ихъ ду-
ху... Нужно было радоваться,
если эти отшельники въ
лѣсахъ предавались пусто-
святству, или мирнымъ сель-
скимъ занятіямъ: «пахали
землю кочерюгою и сѣяли
рожь подъ гарью». Большою
же частію выступали въ дѣ-
ло худшіе инстинкты; рас-
кольники говорили, что жи-
вуть по святоотеческимъ ус-
тавамъ, — а въ сущности пра-
вилами ихъ жизни были тѣ
выработанныя ихъ досужимъ
на престолъ Александра I не-
избѣжно повлекло за собою
деморализацію. Удалившись
въ лѣса, каждый находилъ
здѣсь нѣкогда удовлетвореніе
своимъ личнымъ потребно-
стямъ. Многіе увлекались мни-
мымъ подвижничествомъ, пре-
давались различнымъ суро-
вымъ подвигамъ, приводили
въ изумленіе свою братію не-
обычайностію своихъ мнимо-
аскетическихъ затѣй. По не-
достатку разумной христіан-
ской цѣли, видъ просвѣщеннаго
руководства (?), эти подвиги
конечно, не имѣли нравствен-
наго значенія. Эти лжемона-
хи утрировали и профаниро-
вали примѣръ древнихъ свя-
тыхъ подвижниковъ, кото-
рыхъ изучали въ прологахъ
и четьи-минеяхъ: усвоивъ до
нѣкоторой степени ихъ выш-
ность, они оставались чуж-
дыми ихъ духа... Тѣмъ не
менѣе нужно было радовать-
ся, если эти отшельники въ
лѣсахъ предавались пусто-
святству, «пахали землю и
сѣяли рожь подъ гарью». Те-
перь же выступили въ дѣ-
ло худшіе инстинкты; рас-
кольники заговорили, что
живуть по святоотеческимъ
уставамъ, — а въ сущности
правилами ихъ жизни сдѣла-
лись тѣ выработанныя досу-
жимъ смысломъ Ковыллина съ
братію аксіомы, въ кото-
рыхъ содержится или казуи-
стическое оправданіе грѣха,
или прямое внушеніе престу-
пленія: «не согрѣшишь — не
покаешься, не покаешься —

смысломъ аксіомы, въ кото-
рыхъ содержится или казуистическое оправданіе грѣха, или прямое внушеніе преступленія: «не согрѣшишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься», или: «хоть семерыхъ дѣтей роди, только замужъ не ходи». Наконецъ эти простецы отреклись отъ законнаго руководства властей гражданскихъ и церковныхъ и, нуждаясь, между тѣмъ, для удовлетворенія своихъ недалекихъ потребностей въ извѣстномъ виѣшнемъ устройствѣ своего быта, — неизбѣжно подпадали деспотизму какого либо узурпатора, который, возвышаясь надъ толною умомъ и житейскимъ тактомъ, льсти ея страстямъ, приспосаблиаясь къ ея вкусамъ и понятіямъ, употреблялъ ихъ для своихъ грубо эгоистическихъ цѣлей. Вотъ въ какое время жилъ и продолжалъ трудиться для раскола Ковылинъ! Выступивъ на сцену, когда расколъ переживалъ свою критическую эпоху, когда, съ одной стороны, предъ нимъ открывался соблазнъ жизни самобытной — въ смыслѣ и духовномъ и матеріальномъ, а съ другой стороны, при недостаткѣ въ жизни раскола всякаго религіознаго и церковнаго благодѣнія, начало было пробуждаться безсознательное чувство неудовлетворенности и внутренняго противорѣчія, онъ явился какъ бы для того, чтобы своею чудовищною энергіею помочь бѣдѣ, поправить дѣло раскола (стр. 86—7).

энергіей, помочь бѣдѣ, поправить дѣло раскола (стр. 15—17).

Андрей (т. е. Девисовъ) былъ человѣкъ по своему ученый, умный, съ извѣстнымъ практическимъ тактомъ; но онъ не былъ тѣмъ, что называется — человѣкъ образованный, просвѣщенный.. Какъ же понималъ Андрей интересы раскола? Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видна одна главная забота, одно стремленіе: обособить, всѣми правдами и неправдами, раскольническую общину, выдѣлать ее изъ среды православнаго міра, обезопасить, укрыть ее отъ всякихъ сношеній и связей, которыя могли бы повести къ сближенію, а за тѣмъ, можетъ быть, и къ примиренію съ никоніанами... Но для чего нужно было ему обособить раскольническую общину? Для того, чтобы самому властвовать надъ нею.... И конечно, распоряжаться по произволу тысячами, а можетъ быть и милліонами простодушныхъ энтузіастовъ, владѣть безотвѣтно ихъ душами и тѣлами — имѣло бы свою прелесть и для человѣка болѣе нравственнаго и развитаго, нежели какимъ былъ Андрей Денисовъ.... Кажется, что Андреемъ не руководила наивная вѣра въ обыкновенные раскольническіе догматы, обыкновенный фанатизмъ раскольнической толпы. Конечно, по образу понятій о вещахъ, какой высказываетъ Андрей въ

Ковылянь, какъ читатель видѣлъ изъ всего доселѣ сказаннаго нами объ немъ, былъ человѣкъ, по своему, умный, съ извѣстнымъ практическимъ тактомъ; но онъ не былъ тѣмъ, что называется — человѣкъ образованный, просвѣщенный; какъ же понималъ онъ интересы раскола? Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видна одна главная забота, одно стремленіе: обособить, всѣми правдами и неправдами, свою раскольническую едосѣвскую общину, выдѣлать ее отъ всякихъ сношеній и связей, которыя могли бы повести къ сближенію, а за тѣмъ, можетъ быть, и къ примиренію съ никоніанами; съ наукою... Но для чего нужно было ему обособить раскольническую общину? Для того, чтобы самому властвовать надъ нею; распоряжаться по произволу тысячами, а можетъ быть и милліонами простодушныхъ энтузіастовъ, владѣть безотвѣтно ихъ душами и тѣлами... Имъ не руководила наивная вѣра въ обыкновенные раскольническіе догматы, обыкновенный фанатизмъ раскольнической толпы. Конечно, по образу понятій о вещахъ, какой высказываетъ Ковылянь, онъ былъ настоящій раскольникъ, т. е. онъ стоялъ, повидимому, на той степени религіознаго пониманія, какая до-

своихъ сочиненіяхъ, онъ былъ настоящій раскольникъ, т. е. онъ стоялъ, повидимому, на той степени религіознаго пониманія, какая доселѣ составляетъ отличіе раскола, — это крайній консерватизмъ въ вопросахъ церковныхъ, въ быту общественномъ и гражданскомъ; онъ придавалъ такое же догматическое значеніе обрядовой сторонѣ вѣры, какъ и вся прочая его братія, слѣпо признавалъ безусловную истинность всего, что существовало въ церкви до Никона, также былъ глухъ и нѣмъ ко всему, что говорилось церковію. Но эти понятія о вещахъ не возвышались въ немъ до степени живаго убѣжденія, задушевной думы. Андрей Денисовъ не обладалъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, при которомъ человѣкъ бываетъ особенно чутокъ къ истинѣ религіозной, по временамъ предается весь религіозной думѣ, которая бываетъ для него источникомъ чувствъ и самыхъ высокихъ сладостныхъ и мучительныхъ душевныхъ страданій, какъ это было напр. съ Лютеромъ. *Нѣтъ, Андрей относился къ истинѣ религіозной холоднымъ умомъ, такъ сказать — схоластически. Онъ усердно занимался богословствованіемъ, но не потому, чтобы въ этомъ настояла внутренняя потребность для него лично, а изъ побужденій чисто внѣшнихъ; эти ученые труды*

составляетъ отличіе раскола, — это крайній консерватизмъ въ вопросахъ церковныхъ, въ быту общественномъ, и гражданскомъ; онъ придавалъ такое же догматическое значеніе обрядовой сторонѣ вѣры, какъ и вся прочая его братія, слѣпо признавалъ безусловную истинность всего, что существовало въ церкви до Никона, также былъ глухъ и нѣмъ ко всему, что говорилось церковію. Но эти понятія о вещахъ не возвышались въ немъ до степени живаго убѣжденія, задушевной думы. Онъ не обладалъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, при которомъ человѣкъ бываетъ особенно чутокъ къ истинѣ религіозной, по временамъ предается весь религіозной думѣ, которая бываетъ для него источникомъ и самыхъ высокихъ сладостныхъ и мучительныхъ душевныхъ страданій, какъ это было напр. съ Лютеромъ. *Нѣтъ, Ковылинъ относился къ истинѣ религіозной холоднымъ умомъ, такъ сказать, схоластически. Онъ усердно занимался своею сектою (?), но не потому, чтобы въ этомъ настояла внутренняя потребность для него лично, а изъ побужденій чисто внѣшнихъ; эти труды нужны были ему для того, чтобы обезопасить свою общину отъ внѣшняго вмѣшательства, отдѣлаться отъ запросовъ (?) власти*

нужны были ему для того, церковной и гражданской (стр. чтобы обезопасить свою об- 87—8). щину отъ вѣшняго вѣшательства, отдѣлаться отъ за- просовъ власти церковной и гражданской (стр. 19—20).

Не продолжася выписокъ далѣе; и изъ сдѣланнаго нами сопоставленія текста книги г. Ливанова съ текстомъ брошюры г. Барсова читатель можетъ видѣть ясно, что нужно разумѣть подъ «документальными» источниками, изъ которыхъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» заимствовалъ свои «достоверныя» свѣдѣнiя, и какъ добросовѣстно пользовался этими источниками г. Ливановъ.

Но не все же, заключающееся въ третьемъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ», взято авторомъ изъ чужихъ и притомъ печатныхъ книгъ; есть въ немъ кое-что и такое, что несомнѣнно принадлежитъ самому г. Ливанову и что дѣйствительно составлено имъ *отчасти* на основанiи «документальныхъ» источниковъ. Таковы, помѣщенные въ третьемъ томѣ, небольшiя статьи о молоканахъ и духоборцахъ—въ царствованiе Александра I, составленныя, вѣроятно, на основанiи тѣхъ «обширныхъ выписокъ», какiя сдѣлалъ г. Ливановъ изъ «архивныхъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», еще находясь на службѣ въ министерствѣ, когда, по порученiю бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, составлялъ «Исторiю молоканъ и духоборцевъ въ Россiи» (т. II, стр. 345). Но и тутъ не обошлось дѣло безъ курьеза. Чтобы придать своимъ трудамъ по этому вопросу больше значенiя, г. Ливановъ еще въ двухъ первыхъ томахъ своихъ изданiй заявилъ, что «молокане и духоборцы

доселъ еще мало извѣстны нашему обществу», что «въ литературѣ о нихъ совсѣмъ почти ничего не говорилось» (т. I, стр. 245), что, «къ стыду нашихъ ученыхъ и богослововъ», до г. Ливанова мы не знали «ничего положительнаго» ни о происхожденіи указанныхъ сектъ, ни объ ихъ ученіи (т. II, стр. 344—5), и что слѣдовательно напечатанная имъ въ двухъ первыхъ томахъ исторія молоканъ и духоборцевъ въ XVIII вѣкѣ «въ первый разъ является въ Россіи и за границею», какъ «разработка по документальнымъ и слѣдовательно неопровержимымъ источникамъ сектъ, извѣстныхъ доселѣ только по слуху» (предисл. ко II том.). Туже пѣсню поетъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» и въ третьемъ томѣ. «Исторія молоканъ и духоборцевъ въ царствованіе Александра I, говоритъ г. Ливановъ въ предисловіи, является въ настоящемъ томѣ тоже (т. е. какъ и Исторія преображенскаго кладбища) первою и единственною монографіею въ Россіи и для заграничнаго ученаго міра». А между тѣмъ самъ же Фед. Вас. повѣствуетъ (т. II, стр. 345), что еще въ 1835 году ⁽¹⁾ было написано «толковое изслѣдованіе» о духоборцахъ г. Новицкимъ, которымъ (изслѣдованіемъ) авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ», какъ видно (т. II, стр. 61, 63, 65, 256 и др.), и пользовался при составленіи своей «Исторіи молоканъ и духоборцевъ», и самъ же указываетъ еще другое сочиненіе — о молоканахъ, подъ названіемъ: «вѣроисповѣданіе духовныхъ христіанъ, обыкновенно называемыхъ молоканами», изданное въ Женевѣ ⁽²⁾, котораго Фед. Вас. также не оставлялъ

(1) На 76 стр. 2 тома сказано: въ 1832 году.

(2) Отъ г. Ливанова не узнаешь, когда издано это сочиненіе; въ од-

безъ вниманія. Съ своей стороны можемъ указать на слѣдующія сочиненія: «о раскольникахъ, поселенныхъ таврической губерніи въ мелитопольскомъ уѣздѣ» (изд. 1828 г.), «Наставленіе священнику относительно отпадшихъ отъ церкви въ секту молоканскую» (изд. 1835 г.), «Увѣщаніе молоканамъ» епископа Іакова (изд. 1843 г.) и др., какъ имѣющія отношеніе къ вопросу о духоборческой и молоканской сектахъ. А кто слѣдилъ за литературой послѣднихъ лѣтъ, тотъ знаетъ, что въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ духовныхъ и свѣтскихъ помѣщалось за послѣдніе годы не мало статей объ указанныхъ сектантахъ, что впрочемъ видно и изъ цитатъ самого г. Ливанова (т. II, стр. 260, 371, 376, 379, 455 и др.), и притомъ статей, писанныхъ не только православными (см. напр. «Отеч. Записки», мартъ 1869 г.), но и самими сектантами и даже наставниками ихъ («Отеч. Зап.» іюнь 1870 г.). Что же касается «заграничнаго ученаго міра», который думаетъ поучить г. Ливановъ своими статьями о нашихъ молоканахъ и духоборцахъ, то еще прежде, чѣмъ попадутъ туда книги Ѳед. Вас., самъ онъ уже учится у «нѣмцевъ» по вопросу объ указанныхъ сектантахъ, не разъ цитую въ своихъ изданіяхъ сочиненіе того самаго барона Гакстгаузена (т. III, стр. 540; см. т. II, стр. 61—4, 177, 491, 569—70 и др.), взгляды котораго на нашихъ сектантовъ г. Ливановъ считаетъ «совершенно неправильными» (т. III, стр. 414)... Столько неожиданныхъ сюрпризовъ и противорѣчій

номъ мѣстѣ онъ говоритъ (т. 2, стр. 356), что—въ 1855 г., въ другомъ (т. 2, стр. 347, 351, 363)—въ 1865 г., а въ третьемъ (т. 2, стр. 352)—въ 1867 году.

предлагаетъ въ угощеніе внимательному читателю авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ»!

Кстати—о противорѣчіяхъ. Не чуждый этого недостатка и въ двухъ первыхъ томахъ (сравни. напр. т. II, стр. 20 и 21, 34 и 47, 52 и 53 и др.), г. Ливановъ въ третьемъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ», какбы издѣваясь надъ здравымъ смысломъ читателя, а вѣрише-то—по недостатку собственнаго смысла и вниманія, доходитъ въ противорѣчіяхъ самому себѣ до *pes plus ultra*, перѣдко отрицая на слѣдующей страницѣ то, что утверждалъ на предыдущей,—такъ, что читатель, не зная чему вѣрить, поставленъ въ необходимость, во избѣжаніе ошибки, не вѣрить ничему изъ того, что повѣствуетъ ему Фед. Вас. Такъ напр. на 15 стран. г. Ливановъ говоритъ, что до учрежденія преображенскаго кладбища управлялъ московскою едосѣвщиной ярославскій крестьянинъ Илья Ивановъ, а на стр. 16 онъ превращаетъ этого Илью Иванова въ Илью Алексѣева Ковылина. На 43 стр. говорится, что извѣстный «Уставъ» польскихъ едосѣвцевъ былъ составленъ на соборѣ 1751 года, на стр. 44—1752 года, а на стр. 49—опять 1751 года. На 46 стр. г. Ливановъ приводитъ слѣдующее правило едосѣвскаго собора 1752 года: «младенцевъ здравыхъ у новоженовъ ни духовнымъ, ни мірскимъ людямъ отнюдь не крестить», а на стр. 156 въ числѣ правилъ, какія существовали и доселѣ существуютъ у безноповцевъ относительно новоженовъ, помѣщаетъ такое: «младенцы новоженовъ на крещеніе приѣмлются». На стр. 51—2 говорится, что новожены ввели у себя брачную жизнь, между прочимъ, для того, чтобы «избавиться отъ грѣхопаденія, содомскаго грѣха.

или незаконнаго блуда», а на стр. 158, какъ главный догматъ ученія новоженевъ, указывается слѣдующее изреченіе: «гдѣ нѣтъ брака, тамъ нѣтъ и блуда». На 53 стр. г. Ливановъ говоритъ, что, спустя три года послѣ основанія преображенскаго кладбища (значить въ 1774 г.), Василій Емельяновъ обратился къ своимъ единовѣрцамъ съ воззваніемъ о постройкѣ общественной моленной, и, такъ называемая, покровская часовня была выстроена, а на стр. 56 утверждаетъ, что Емельяновъ, управлявшій этою часовней до 1795 г., правилъ ею 30 лѣтъ. На 62 стр. авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» замѣчаетъ, что при Петрѣ I правительство *строю* относилось къ расколу, а на стр. 64 говоритъ, что при Петрѣ Великомъ были изданы узаконенія «въ облегченіе» раскольниковъ. (Не считаетъ ли г. Ливановъ Петра I и Петра Великаго за разные лица?). На 217 стр. г. Ливановъ повѣствуетъ, что найденная (въ началѣ 40 годовъ) на преображенскомъ кладбищѣ и доставленная министру внутреннихъ дѣлъ рукопись, подъ названіемъ: «Показаніе о единомъ общемъ христіанскомъ тѣсномъ пути», была написана въ 1842 году, а на стр. 218 временемъ написанія ея указываетъ «лѣто 7308», т. е. 1800 годъ. Въ статьяхъ подъ №№ XIII и XXVI г. Ливановъ рассказываетъ о безобразіяхъ раскольниковъ архіереевъ и о томъ, въ чьихъ домахъ они совершаютъ въ настоящее время богослуженіе, а на стр. 555 утверждаетъ, что «архіереи раскольниковы *всѣ давно* бросили свое незаконное ремесло и обратились въ единовѣріе». Мало этого: авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ» часто противорѣчитъ себѣ на одной и той же страницѣ. Такъ въ на-

чалъ 3 стран. онъ говорить, что во время чумы, свирѣявшей въ Москвѣ въ 1771 году, «внутри города, при церквахъ и монастыряхъ, было строго запрещено хоронить мертвыхъ», а въ концѣ той же страницы утверждаетъ, что «раскольники и чернь не годовали на учрежденіе карантинныхъ... на погребеніе мертвыхъ при церквахъ и на прочія, комиссією учрежденныя распоряженія». Не говоримъ уже о томъ, что г. Ливановъ въ своемъ третьемъ томѣ «Раскольниковъ и острожниковъ» сталъ въ совершенное противорѣчіе съ тѣмъ, что говорилъ въ двухъ первыхъ томахъ. Тамъ для уничтоженія раскола онъ требовалъ, между прочимъ, «религіозной и гражданской свободы» раскольникамъ (т. I, стр. 67—8), а здѣсь говорить, что правительство *никогда* не должно давать старообрядцамъ свободы вѣры и богослуженія (стр. 555); тамъ онъ утверждалъ, что преслѣдованія только усиливаютъ расколъ (т. I, 6, 7 и 14, снес. т. II, стр. 9 — 10), а здѣсь постоянно вооружаетъ власть противъ заблуждающихъ, замѣчая, что фанатическая религіозная ненависть раскольниковъ къ церкви и правительству есть «самая опасная въ минуты какихъ либо государственныхъ неурядицъ» (стр. 6) и что ученіе безноповщины — «противно началамъ гражданского общества и монархическаго правленія» (стр. 155; снес. стр. 141 и 159). «Не слѣдуетъ давать усиливаться въ Россіи, говорить, между прочимъ, г. Ливановъ (стр. 399), раскольническимъ тузамъ миллионерамъ, потому что эти ловкіе плуты, вѣдаящіе по Москвѣ въ каретахъ и принимающіе въ свои дворцы бѣглою іерархію, въ душѣ презирая ее, играютъ въ игру довольно подозрительнаго свойства... Покушка ими бѣглою за-

граничной мужичьей іерархіи, надѣлавшая столько хлопотъ правительству и стоившая столько дипломатическихъ переписокъ съ австрійскимъ дворомъ, есть еще цвѣтки. Могутъ быть, при случаѣ, и ягоды». А если взять во вниманіе то, что г. Ливановъ держитъ такую рѣчь по поводу разсказа объ участіи раскольниковъ въ пугачевскомъ бунтѣ, то понятно будетъ, какими «ягодками» онъ стращаетъ правительство. Да этого не скрываетъ и самъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ», замѣчая: «а что, если они (т. е. раскольники-милліонеры) милліоны, нажитые съ раскола, въ нехорошую годину предложить, если не Пугачевымъ, а кому нибудь половчѣе? Можно бы, пожалуй, испугаться угрозы г. Ливанова; но, какъ гласитъ народная пословица, страшень псарь, да милостивъ царь. Самъ же Фед. Вас. говоритъ (стр. 560), что когда въ прошлое десятилѣтіе лондонскіе агитаторы съ покойнымъ Герцекомъ во главѣ обратились къ старообрядцамъ съ приглашеніемъ войти съ ними въ союзъ для государственнаго переворота въ Россіи, раскольники, по безцеремонному выраженію г. Ливанова, «лондонскихъ агитаторовъ олевали»,—новое противорѣчіе Фед. Вас. самому себѣ. Вообще, читая третій томъ «Раскольниковъ и острожниковъ», невольно приходишь къ убѣжденію, что г. Ливановъ составляетъ свои «ученія» изслѣдованія не только безъ заранѣе составленнаго плана и предварительной подготовки, но даже безъ малѣйшаго вниманія къ дѣлу во время самаго производства его. Иначе чѣмъ объяснить напр. то обстоятельство, что, перепечатывая чужіе труды, Фед. Вас. вноситъ иногда въ свой текстъ даже подстрочныя примѣчанія списываемыхъ имъ авторовъ,

не замѣчая того, что отъ подобной перестановки не выходитъ ничего, кромѣ бессмыслицы! Такъ поступилъ онъ, между прочимъ, на 319 стр., внося здѣсь въ текстъ слѣдующую цитату изъ сочиненія Н. И. Надеждина о скопцахъ (Кельсиев. вып. III, стр. 33): «рапортъ орловскаго вице-губернатора генераль-прокурору Обольянинову отъ 26 декабря 1800 г. за № 4286, находящійся при дѣлѣ о скопцахъ орловской губерніи, производившемся по тайной экспедиціи и нынѣ хранящемся въ государственномъ архивѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ 1800, № 123». Точно также, при малѣйшемъ вниманіи къ дѣлу, развѣ могъ г. Ливановъ сослаться въ третьемъ томѣ (стр. 399) на предисловіе къ первому, котораго (предисловія) вовсе нѣтъ (по крайней мѣрѣ, при первомъ изданіи), — подробно опредѣлять мѣсто, гдѣ находится молканское село «Тяглое озеро» (стр. 352), о которомъ уже была рѣчь въ первомъ (стр. 245) и во второмъ томѣ (стр. 417) «Раскольниковъ и острожниковъ», — назвать нынѣ царствующаго Государя Императора Александромъ I (стр. 159), — мѣсяць августъ отнести къ числу осеннихъ (стр. 69) и под., или — правильныя чужія слова (Кельс. вып. IV, стр. 150) передать въ слѣдующихъ — болѣе, чѣмъ бессмысленныхъ, выраженіяхъ: «чтобы при такомъ поведеніи (рѣчь идетъ о развратѣ, такъ называемыхъ, раскольниковыхъ дѣвокъ-келейницъ) имѣть вѣсь въ обществѣ и вмѣстѣ принести подобающую жертву возлюбленному жениху своему, какъ онѣ называютъ Спасителя, по ученію котораго одинъ честный взоръ на жертву дѣласть уже любодѣемъ, дѣвки читають... (стр. 510)? Если ко всему сказанному прибавить множество опечатокъ въ

книгъ (стр. 116, 144, 347, 508 и др.), неточность цитатъ (стр. 316), невѣрность хронологическихъ данныхъ (стр. 315 и 339) и под., то вполнѣ станетъ ясно, сколько правды заключается въ увѣреніяхъ г. Ливанова относительно «стойкости и полезности» его изданій, которыми (увѣреніями) онъ началъ свой третій томъ (см. предисловіе), и какъ глубоко вѣрно и въ тоже время откровенно до наглости восклицаніе Фед. Вас.: «Русь, Русь! какъ ты еще глупа... и кто въ тебѣ не эксплуатируетъ невѣжество народное», — восклицаніе, которымъ почти закончилъ (стр. 533) свой трудъ авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ», уже рѣшившій въ умѣ выставить на оберткѣ: цѣна 2 руб. 85 коп., съ пересылкою 3 руб. 20 коп. А между тѣмъ читатель, смотря на приложенный ко второму тому «Раскольниковъ и острожниковъ» портретъ Фед. Вас. Ливанова, никакъ не могъ догадаться, что оригиналъ принадлежитъ къ породѣ тѣхъ «дѣльцовъ», которыхъ такъ искусно рисуетъ г. Боборыкинъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за настоящей годъ.

Въ заключеніе намъ остается сказать слѣдующее. Буквально перепечатывая въ свой третій томъ чужіе труды и всячески стараясь скрыть отъ читателя это обстоятельство, ужели г. Ливановъ, употребимъ его собственную мысль (т. II. стр. 699), не сообразилъ того, что книги, которыя онъ обкрадываетъ, напечатаны и что, слѣдовательно, если не авторы ихъ, такъ по крайней мѣрѣ стороннія лица, читавшія эти книги, могутъ уличить его по нимъ въ некрасивомъ поступкѣ? Въ предисловіи ко второму тому г. Ливановъ «ученное» достоинство своихъ изданій доказываетъ тѣмъ, что «для нихъ онъ прочиталъ не одну сотню

ученыхъ сочиненій, просмотрѣлъ не одну тысячу правительственныхъ дѣлъ, извѣздилъ три части Россіи и слушалъ полный курсъ самыхъ высшихъ наукъ о всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, не только что о раскольникахъ русскихъ». Охотно вѣримъ всему этому; только утверждаемъ, что для написанія дѣльной книги по расколу, кромѣ указаннаго, нужно имѣть еще кое-что и свое собственное, именно, какъ говорятъ, — царя въ головѣ и честность... Новымъ доказательствомъ ученаго достоинства и «полезности» своихъ изданій г. Ливановъ считаетъ быструю распродажу своихъ книгъ (предисл. ко II и III томамъ). Дѣйствительно, «документальныя» изслѣдованія Фед. Вас., если вѣрять ему, расходятся замѣчательно быстро; но секретъ такого успѣха, по нашему мнѣнію, заключается не въ ученыхъ достоинствахъ трудовъ г. Ливанова, которыя отчасти мы указали выше, а въ особенномъ, замѣчательно ловко рассчитанномъ для извѣстныхъ цѣлей, отношеніи автора къ предмету своего изслѣдованія. Поставивъ главною задачею своихъ «документальныхъ» изслѣдованій — «печатное разоблаченіе дѣятельности коноводовъ раскольничьихъ, особливо современныхъ и нынѣ дѣйствующихъ» (т. I, стр. 260), г. Ливановъ понялъ подъ такимъ разоблаченіемъ не указаніе скрытной пропаганды раскольническихъ вожаковъ и тѣхъ сокровенныхъ путей, которыми они дѣйствуютъ на массы народа — даже православнаго, совращая его въ расколъ, а описаніе частной, домашней жизни и внѣшняго поведенія раскольниковъ-богачей, и сталъ повѣствовать, у кого напр. изъ нихъ находятся въ домахъ голыя статуи (т. I, стр. 379), кто изъ нихъ посѣщаетъ театръ и ходитъ за кулисы

(т. II, стр. 589), у кого происходят веселыя попойки вмѣстѣ съ учеными никоніаінами (т. I, стр. 449; т. II, стр. 24—5 и 591), кто предается «грѣховному дѣлу» съ настоятельницами скитовъ и купчихами, покровительствующими расколу (т. II, стр. 20 и 26), кто, не смотря на свою «мордовскую фізіономію и мышачьи глаза», имѣетъ содержанокъ — французенокъ (т. II, стр. 24—5, 593; т. III, стр. 483), которая изъ московскихъ «толстыхъ» купчихъ, «обхватывая сзади своими жирными руками» совершающаго богослуженіе раскольникьяго архіерея, кричитъ: «погоди маленько! у тебя омофоръ криво на плечахъ сидитъ», и тутъ же, вынувъ изъ-за пазухи нѣсколько булавокъ, начинаетъ «прикалывать ими архіерейскій омофоръ, какъ будто женскую юбку у себя въ спальнѣ» (т. III, стр. 532), а которая, величаясь «адамантомъ благочестія», въ тоже время одѣвается въ шляпку послѣдняго фасона и носитъ пазевыя перчатки (т. I, стр. 242 — 3) и проч. и проч. Съ другой стороны, признавая необходимымъ вѣшать раскольникчыхъ вожаковъ (т. II, стр. 593) и карать безъ милосердія (т. III, стр. 484), или по крайней мѣрѣ—не выбирать ихъ въ общественныя должности (т. III, стр. 399 и 404), не награждать медалями (т. I, стр. 385), не принимать отъ нихъ пожертвованій (т. III, стр. 118) и проч., г. Ливановъ не только всячески старается вооружить противъ нихъ правительство, но, чтобы дать ему возможность отыскать раскольникчыхъ коноводовъ, указываетъ даже самыя имена ихъ, съ обозначеніемъ, кто изъ нихъ покупалъ раскольникчю іерархію въ Австріи (т. I, стр. 373), у кого нынѣ главный притонъ всѣхъ бѣглыхъ раскольникчыхъ поповъ и архіереевъ (т. II, стр.

47, 124 — 5, снес. т. I, стр. 242), въ чьихъ домахъ эти самозванцы отправляютъ богослуженіе въ настоящее время (т. I, стр. 389, 448—9; т. III, стр. 531), у кого собираются раскольникыя соборы (т. II, стр. 441), кто составляетъ фальшивыя бумаги и поддѣлываетъ печати (т. II, стр. 251, 447—8), у кого на чердакѣ имѣются лавки, въ которыхъ производится торговля раскольникыми книгами (т. II, стр. 476), кто имѣетъ въ своихъ садахъ мужскіе и женскіе раскольникыя монастыри (т. II, стр. 131) у кого находятся раскольникыя и скопческія фотографіи (т. I, стр. 256; т. III, стр. 564), кто, бывши опекуномъ, опозорилъ своихъ питомицъ, родныхъ сестеръ, и послѣ бросилъ ихъ (т. I, стр. 244), кто даже сжегъ свою родную сестру за уклоненіе ея отъ ереси (т. III, стр. 543—4) и проч. и проч. Нѣтъ нужды говорить, что сочиненія, написанныя въ такомъ духѣ, всегда будутъ имѣть успѣхъ и быстро раскупаться—не для чтенія, а для уничтоженія—тѣми самыми милліонерами, частная жизнь которыхъ «печатно разоблачается» въ нихъ. Наконецъ г. Ливановъ въ предисловіи ко второму тому заявилъ, что, «слѣдуя системѣ англійскихъ и американскихъ публицистовъ», онъ всѣ «невѣжественныя выходки противъ него будетъ заносить на печатныя страницы своихъ изданій подъ особою рубрикой, совершенно необязательной для чтенія публики, какъ «знаменіе времени»,—для того, чтобы послѣдующіе изслѣдователи раскола и сектъ русскихъ могли видѣть наглядно, при какихъ обстоятельствахъ появились изданія» Фед. Вас., «въ которыхъ смѣло и безбоязненно, на основаніи неопровержимыхъ источниковъ, раздавался *первый* печатный голосъ противъ двухсотвѣковой (?) тьмы

религіозной и невѣжества своекорыстныхъ предводителей темной десятимилионной массы русскаго народа». Мы не смѣемъ надѣяться, чтобы г. Ливановъ не призналъ нашихъ замѣтокъ «невѣжественной выходкой противъ него», и потому не только позволяемъ ему занести наши замѣтки на страницы четвертаго тома «Раскольниковъ и острожниковъ», который онъ обѣщаетъ почтеннѣйшей публикѣ (стр. 527), но даже просимъ его объ этомъ. Исполненіемъ нашей просьбы г. Ливановъ исполнить свой долгъ, приобрести нѣсколько даровыхъ листовъ для своего будущаго изданія и, кромѣ того, дать намъ возможность легче достигнуть цѣли, которую мы имѣли въ виду при составленіи своихъ замѣтокъ, т. е. предохранить невѣжество народное, о которомъ, повидимому, такъ соболѣзнуеть авторъ «Раскольниковъ и острожниковъ», отъ недобросовѣстной эксплуатаціи невѣжества г. Ливанова, который, предполагая въ другихъ неспособность отличить едосѣвца отъ поморца (пред. ко II т., стр. 11), самъ заставляеть раскольникяго попа, или даже архіерея, *крестить* переходящаго въ ихъ секту (т. II, стр. 14—15), т. е. не умѣеть отличить поповца отъ безпоповца.

Н. Н.
